

*Макрушин А.
(Россия, п. Озерный)*

Образ Сергия Радонежского в литературной традиции

Образ Сергия Радонежского, формирующийся на протяжении шести веков, создается двумя разнонаправленными потоками рефлексии: первый направлен **от** реальной личности святого, его деяний, разворачивается в мир, второй формируется независимо от реального воплощения, конкретного подвижника Варфоломея - Сергия, деперсонифицирован, направлен **к** конкретной личности, к Сергию в данном случае.

В художественном тексте чаще всего воплощается возникающая при этом проблема идентификации, обнаружения соответствия по принципу “свой – чужой”.

Образ святого заступника предстает как с необходимостью порождаемый миром. По мере возникновения традиции изображения Сергия авторами все более осознается возможность неполной идентификации, либо неполного соответствия действительного, живого Сергия ожидаемому, тому, которого хотят видеть. В логике первого потока рефлексии можно говорить о неготовности мира принять и осмыслить всю глубину и величие личности Первоигумена; в логике второго потока рефлексии неизбежно отмечается приобретение образом автономии в читательском восприятии (ведь автор нового текста, привносящий свое видение жизни и деяний исторической личности в уже существующий художественный образ, сам является читателем).

Процесс такого формирования образа порождает две дихотомии, два противопоставления сосуществующих категорий: “Сергий-мир” и “Сергий-Сергий”. Первая дихотомия характерна, прежде всего, для произведений русского Предвозрождения (начиная с XV века). После преобразования агиографической традиции (начало которому положил на Руси Епифаний Премудрый, а завершил, кажется, полностью разрушив канон, протопоп Аввакум) естественным

стало желание общества разглядеть в приблизившемся иконописном лике черты реального человека, великой личности, повлиявшей на судьбы страны.

Вторая дихотомия ярче всего проявляется в произведениях литературы Нового времени, когда писатели уже умели и совершенствовались умение изображать внутренний мир героя в его многогранности и противоречивости. Корни этого умения находятся в древнерусской литературе, прорастают сквозь застывшую каноническую схему создания произведения, которой должен был руководствоваться автор, желающий рассказать о великой личности, святом подвижнике. Незаурядная судьба и подвиг жизни Сергия Радонежского одинаково трогают умы независимо от социального, экономического, политического и временного положения ищущего. Примером тому служит “Историческая выпись” Екатерины II¹. Венценосная особа, стоящая на вершине светской жизни, вновь и вновь возвращается мыслями к вечному подвигу духовного радения за Русь, подвижничества Сергия. Как заметил П.И.Бартенев и, позднее, Колесов, “императрица верила в слова Филарета, что православная церковь огражданствовала Россию”². Сергей понимается как один из основоположников русского государства, русской нации. Екатерину интересуют точные даты, исторические события. Она пытается освоить церковнославянскую грамматику и словарь (иногда смешиваются старые и новые формы, допускаются ошибки в написании). Главным источником для “Выписи” служит “Житие Сергия Радонежского” Епифания Премудрого. “Историческую выпись” можно рассматривать как реферат в силу делового, сжатого стиля языка, эклектизма понятий. Сведения о жизни и подвиге Сергия Радонежского мы можем получить из позднейших, по сравнению с “Житием Сергия Радонежского” Епифания Премудрого, житий и летописных сводов. Можно заметить, что позднейшие Жития являют собой результат культурно-исторических напластований, включающих авторские принципы изложения материала, авторский менталитет, проявляющийся в стиле, последовательности, способе изложения, самом отборе материала (в том числе на лексическом, фонетическом, синтаксическом уровне).

События той поры, когда жил Сергей, творил Епифаний, поры борьбы и подвига телесного и духовного, нашли свое отражение в сложившемся в народе в конце 14 века “Сказании о Мамаевом побоище”, одном из памятников Куликовского цикла. “Сказание” изучалось многими учеными, такими как Шамбинаго, издавший в 1909 году наиболее полный из дошедших до нас текст “Сказания”.

Авторский менталитет закономерно изменяется в соответствии с эпохой создания произведения, с господствующими или присутствующими объективно общественно-историческими реалиями. С этой точки зрения любой последующий список можно рассматривать как самостоятельное произведение. Таково, например, “Житие Сергия Радонежского”, составленное Никоном. Летописные своды позволяют выявить некоторые факты, достоверность которых может, в свою очередь, подвергаться сомнению и выявляться при сопоставлении нескольких свидетельств. Литература XIX века дает яркий пример выборочного, в угоду авторскому замыслу, использования фактов, дошедших до нас благодаря летописным сводам. Летописные факты используются в данном сочинении лишь в связи с задачей выявления причин и принципов авторского отбора материала. Кроме перечисленных источников нашего знания о Сергии Радонежском и его эпохе, следует упомянуть еще об одной разновидности произведений. Произведения эти написаны в разное время уже после преставления Сергия и рассказывают о посмертных чудесах, видениях, помощи великого Святого в трудные для Руси времена. Таково, например, сказание келаря Троице-Сергиевой Лавры Авраамия Палицына об осаде Лавры польскими интервентами в начале XVII века³. Текст отражает только один момент отечественной истории, когда истовая вера в святого Сергия помогла защитникам созданной им Лавры в борьбе против захватчиков, что, в конце-концов, стало легендой, обогатив тем самым образ Сергия Радонежского. О.А. Державина и Е.В. Колосова донесли до нас творения Авраамия Палицына⁴. Замечательный искусствовед, собиратель истоков народной культуры, С.А. Платонов, выпустил “Книгу о чудесах пресвятого Сергия, творение Симеона Азарьина”⁵, где описываются посмертные чудеса старца. Это еще раз

иллюстрирует глубокую веру народа в своего радетеля-заступника. Старец Троице-Сергиевой обители, Симеон, пребывал в Лавре с 1625 по 1665 год. Собранные им свидетельства носят ярко выраженный функциональный, деятельный характер, важны, прежде всего, влиянием на мир, жизнь людей, не существуют изолированно от нее, что является характерной чертой живущего в памяти народной образа Сергия. Текст, составленный в 1646-1654 годах, хранится в собрании Московской духовной Академии.

XIX век ознаменовался расцветом русской философской, как светской, так и духовной, мысли и, как следствие, возникновением интереса к глубинному осмыслению самих основ, нравственных устоев нашей жизни, тягой к нашим корням, к истокам нашей культуры, ибо, как сказано задолго до нас, мы подобны карликам, стоящим на плечах гигантов, и если мы видим дальше, то только благодаря им. Этот всплеск интереса широких слоев общества к истокам нашей культуры был неотделим от имени Сергия Радонежского и еще усилился в связи с празднованием 500-летия битвы на поле Куликовом и 500-летием подвига духовного Великого Пастыря. Как оказалось, такое объединение объективно способствовало ограниченности образа Сергия в литературе той поры в силу его политической заданности (этот недостаток был преодолен лишь в наши дни Д.Балашовым). Тогда выделилось несколько направлений в исследовании образа Сергия Радонежского и его времени. Писались исторические комментарии. Такова, например, работа А.В. Горского “Историческое описание Троице - Сергиевой Лавры”⁶, где название говорит уже само за себя, Е.И.Забелина “Троицкие походы русских царей”⁷, представляющая собой свод исторических ситуаций, когда Лавра спасала монахов от внутренней или внешней смуты, а чаще - от собственных мятущихся душ, давая причастие вечных ценностей человеческих.

Знаменитый Н.М.Карамзин интересовался ролью внутреннего мира личности, проявляющегося во внешнем, и составил “Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре”⁸. С.И. Смирнов выпустил книгу “Преподобный Сергий и Троицкая Лавра его времени”⁹, где довольно сухо изложил общественно-политическую ситуацию

того времени, причины возникновения Лавры, ее устройство, а также говорил о непреходящем значении деяний Сергия. Необходимо упомянуть и о работе Е.Ф. Орловского под названием “Сергий Радонежский и его время”¹⁰.

Путеводители, путешествия обязаны своим возникновением вечному народному поклонению перед образом Сергия, паломничеству со всех концов православного мира к Лавре, ее благодати, и другим святыням, связанным с Сергием. В этих работах, написанных в популярном в то время жанре путешествия, описывается путь к Лавре, ее устройство, распорядок жизни монахов, а главное - те чувства, которые вызывает в душе обыкновенного человека всепонимающий и всеблагий лик сергиев, сама атмосфера духовного центра Руси. Делались попытки как бы перебросить мостик из древности к современникам и действительности, которая их окружает и которая далеко не всегда соответствует заветам Сергия. Кроме того, работы данного типа интересны новой для своего времени ориентацией на массового читателя, дающей возможность мастерам слова показать эволюцию взглядов на мир обыкновенного человека, идущего прикоснуться к святыне. Жанр путешествия давал довольно большую свободу для авторской рефлексии, авторского присутствия, что и было творчески развито создателями современного романа. Таковы, например, работы Е.Е.Голубинского¹¹, С.П.Шевырева¹², А.Н.Муравьева¹³.

К историческим комментариям близки специальные научные исследования, изучающие в диахронном аспекте то или иное явление и систематизирующие оные. Такова, например, “История православного монашества в Северо-восточной Руси со времен преподобного Сергия Радонежского”¹⁴. С исследуемой темой здесь связаны части 1 и 2. Следует отметить, что большая часть таких работ не затрагивает глубоко или вообще не касается вопросов пересоздания образа Сергия Радонежского.

Особенное значение для понимания надвременной миссии Первоигумена и, опосредованно, Епифания Премудрого как первого писателя, запечатлевшего в веках образ святого, имеют труды русских философов XIX - начала XX века. В этих трудах через символы системы философских построений как

бы переплетаются, связываются неразрывно исторические, эстетические, этические, общественно-политические грани бытия. Применительно к ним вряд ли можно отграничить историка от литературоведа и от общественного деятеля, да и зачем?! Таковы, например, работы выдающегося историка Церкви и писателя Е.Е.Голубинского, составившего в 1892 году жизнеописание Сергия Радонежского¹⁵, исторические комментарии к нему, изучавшего историю подвижничества на Руси, приподнявшего, в частности, завесу неизвестности над личностью Епифания Премудрого. Голубинский, кажется, одним из первых утвердил в литературоведении отношение к церковной литературе как к историческому источнику и, с другой стороны, как к произведению искусства, имеющему внекорпоративное значение. При анализе “Жития Сергия Радонежского” он поднял проблему достоверности, историчности произведения. Вот один из фрагментов: “Речи жизнеописания, когда он говорит нам о характере, нраве, личностных чертах святого, мы имеем все основания считать не за такие, в которых перед нами предстал бы произвольным образом очерченный портрет, но за такие, в которых более или менее верно изображается действительный преподобный Сергий”¹⁶. А ведь была и другая точка зрения: “...Живой склад речи и отношение к предмету казались уже для книги невозможными”¹⁷; “Жития давали меньше для народно - поэтической истории, чем можно было ожидать”¹⁸.

Выдающийся историк В.В.Ключевский, известный своей яркой и даже страстной жизненной позицией, произнес речь по случаю 500-летия со дня кончины Сергия в Троице-Сергиевой Лавре в 1892 году¹⁹. Речь впервые была опубликована в “Богословском вестнике” №11 в 1892 году в Сергиевом Посаде.

Уже в начале нашего века труд по изучению наследия Старца продолжает Борис Зайцев, видный русский писатель, историк и литературовед. В 1923 году он создает жизнеописание Сергия Радонежского, основанное на научном исследовании текста²⁰. Основная мысль этого очерка - скромность подвижничества как русский идеал служения людям. Русский историк и философ Георгий Федотов публикует свои общекультурные исследования русского

подвижничества. Глава в его книге²¹ посвящена значению Сергия для Руси.

Нельзя не упомянуть такие имена, как П.Флоренский, С.Булгаков, Е.Трубецкой, В.Соловьев и др. Так, П.Флоренский толкует символическое значение Троице-Сергиевой Лавры и самого лика Сергия как “важное для мистически понимаемого единства России”²². Трубецкой писал: “Собор всей твари как грядущий мир вселенной, объемлющий и ангелов и человек и всякое дыхание земное, - такова основная идея нашего древнего религиозного искусства. Она была вполне сознательно и замечательно глубоко выражена самим святым Сергием Радонежским”²³, и, можно добавить, донесена до нас Епифанием Премудрым. Троица рассматривается Трубецким как символ стихийного проявления роевого начала в русском человеке.

С.Н.Булгаков собирательно воссоздает образ монашеского православия в том именно виде, как оно сложилось в связи с деятельностью Сергия Радонежского. Сергей видится автору как “синтез христианства и народной культуры”²⁴. Булгаков сравнивает этические системы православия, католицизма, протестантизма. Не обойден им также вопрос о значении ранних монастырских общин в развитии хозяйства эпохи становления русского государства. Здесь, разумеется, снова выходит на первый план деятельность Сергия Радонежского. Такова работа В.С.Соловьева²⁵.

Публикации найденных и реставрированных текстов, переиздание составляют необходимое звено в изучении литературного наследия. Почву для вышперечисленных исследователей, писателей, философов в большей мере подготовили такие энтузиасты, как Платонов, названный выше, Н.И.Троицкий²⁶, занимавшийся историко-археологическими исследованиями по памятникам той поры, Н.С.Тихонравов²⁷ и другие.

Выше уже говорилось о направленности многих произведений XIX века о Сергии Радонежском и его эпохе к широким массам населения. Даже в древних источниках исследователи обращали внимание, прежде всего на связь с современностью, истинную или мнимую. Показателен отрывок из научного исследования той поры: “Сказание о Мамаевом

побоище”, отличающееся последовательностью и заострением сюжета, последовательно разрастаясь в объеме, переходило из летописного изложения в исторический роман”²⁸.

Отмеченная тенденция распространилась и в писательской среде. Стали создаваться произведения, в которых связь с историей осуществлялась только лишь именами героев. На страницах таких произведений можно встретить имена Сергия Радонежского, Алексия, Дмитрия Донского, Мамаю, но лишь в связи с произвольно составленным либо вымышленным авантюрным сюжетом, призванным создать “кассовость” книги. Практически обязательно присутствовала любовная интрига, коллизии которой разворачивались на фоне колоритных “исторических” полотен. Язык героев насыщался лексическими старославянизмами, причудливо сочетающимися со словами современного языка; на уровне синтаксиса речь героев выполнялась в традициях современности. Часто ощущается влияние сентиментализма 1860^x годов: Такова, например, “историческая” повесть Михаила Евстигнеева²⁹. В таком же ключе созданы роман Ивана Гурьянова “Дмитрий Иванович Донской или ужасное Мамаево побоище”, роман Сергия ...ского “Сокольники или поколебание владычества татар над Россиєю”, произведение Дмитрия Мордовцева “Мамаево побоище”, М.Чистякова “Черты из жизни Дмитрия Донского”.

Вышеописанная схема не являлась принадлежностью лишь “крупных” жанровых образований типа романа или повести. Примером служит широко известный в свое время рассказ анонима “Удалой наездник”. С точки зрения современных представлений об историческом произведении вышеперечисленные творения таковыми, конечно же, не являются, но представляют немалый интерес для изучения, ибо “произведения каждого этапа несут явственный отпечаток связи с соответствующей историко-литературной эпохой: с ее философией истории и с конкретным уровнем знаний о Куликовской битве, с ее ведущим художественным методом и злободневными проблемами современности”³⁰. Это отражается в трактовке отдельных персонажей, в выборе стилевых и сюжетно-композиционных средств изображения традиционной темы.

На рубеже веков, когда приблизилось время социальных потрясений, русские писатели, поэты, живописцы и общественные деятели видели в героях эпохи Сергия Радонежского и Куликовской битвы (Дмитрии Донском, Владимире Серпуховском, Сергии Радонежском, митрополите Алексии) воплощение идеалов свободолюбия, самопожертвования, подвижничества и патриотизма; а в самой эпохе находили глубокое созвучие современности.

Лишь только улеглись бури революционных потрясений, и на обломках старой империи встала новая Россия, обозначился всплеск интереса к эпохе Сергия Радонежского. Пафосом недавних битв дышат произведения той поры. Творит уже новое поколение писателей, воспитанное советской страной. Им приходится как бы заново писать историю, осмысливать ее. В.М. Калита отмечает, что до сих пор стоит проблема выявления “связи современного исторического романа с историческим романом 30-40^x годов XIX века, и, конечно, с древнерусскими памятниками”³¹. Вслед за Калитой выделяем 2 этапа развития современного исторического романа об интересующей нас эпохе: 30-40^e годы, когда творили Ян, Бородин, Умельницкий, Езерский, Штурм; 70-80^e, ознаменовавшиеся творчеством И.Калашникова, В.Чивилихина, В.Лебедева, Ю.Лощица, В.Возовикова, Ф.Шахмагонова, В.Гусева, Д.Балашова.

Возникли и стихотворные произведения, посвященные Куликовской битве. Типичным примером служит поэма В.Саянова “Слово о Мамаевом побоище”, написанная в 1938 году. Героико-патриотический пафос произведения заменяет во многом содержательную сторону; Сама битва изображена в общих чертах, ей уделено всего лишь несколько строк. Поэт, однако, заимствует некоторые художественные образы “Задонщины” и “Сказания о Мамаевом побоище” (приметы перед боем, испытание Боброком земли). Но интересующие нас образы никак не упомянуты, не раскрыты, не упоминается даже Дмитрий Донской. Заканчивается поэма сценой поединка Никиты с татаринцом.

Использование мотивов древнерусской литературы исследователями той поры ставились во главу угла: “Особенностью лучших из этих (посвященных интересующей

нас эпохе) произведений является творческая связь с древними памятниками”³². Происходят странные вещи: с одной стороны - использование образов и мотивов памятников, а с другой стороны - игнорирование важнейших исторических событий и деятелей! Все становится на свои места, когда позиция литературоведения той поры раскрывается А.С.Орловым: “Повествование о Куликовской битве в Сказании значительно оцерковлено; усилена роль митрополита Киприана, введен Радонежский “чудотворец” игумен Сергий. Оба они руководят политической моралью Д.Донского, в монашеско-библейском стиле”³³. Последнее звучит уже как ругательство. Но ведь древнерусская литература ни в коей мере не отрицается! Лущик разрешает недоумение: “В древнерусской литературе, прочно связанной с реальной действительностью, религиозный и религиозно-нравственный элемент является лишь средством, с помощью которого старинный автор выражал свое отношение к действительности; “церковный характер” – чаще всего только форма, придаваемая памятнику, светскому в своей основе”³⁴. Нам представляется, что имела место православная основа памятника, которая никуда не исчезала: однако исследователем точно улавливается размыкание канона вслед за ускорением событий истории, актуализацией изображаемого, что и проявляется в творчестве современных писателей.

Признанный мастер советской литературы, оставивший целый ряд романов, в том числе и исторического направления, Леонид Леонов, писал в те годы: “Целых три века выстояли мы в одиночку насмерть, пока юная Европа закладывала фундамент своих университетов. Скучно жили тогда наши дети, без ласки /?/, без книжки, без пряника /?/. Нет, не любовная мелодия звучит в песне о походе Игоревом. У Пересвета и Осляби были дела поважнее на залитой кровью русской земле”³⁵. Такое представление повлияло на концепцию изображения Сергия Бородиным³⁶.

Шахмагонов идет даже на искажение известного действительного облика Олега Рязанского, Сергия Радонежского из-за заданности, прямолинейности изложения, увлеченности военно-технической стороной, когда битва

разворачивается подобно шахматной партии в ущерб изображению внутреннего мира, переживаний героев.

Яркую страницу в литературе о Куликовской Битве в эпоху становления государства вписал С.Бородин. В его романе “Дмитрий Донской” заложены многие проблемы, которые были впоследствии развиты либо переосмыслены Д.Балашовым. Конечно, время создания романа (он увидел свет в 1941 году) наложило отпечаток на восприятие проблем “светское – духовное”, “церковное – нравственное”, “цель – средства”. Луцкич отмечал как заслугу автора то, что с образа Дмитрия Донского “снята эта религиозная оболочка”³⁷. Религиозность героя воспринимается как начало сдерживающее, парализующее волю самостоятельного государя. Но Бородин уже не укладывается в схему, “накатанную” к тому времени советской исторической романистикой. Тот же исследователь отмечает, что, “вместе с этим, на него (Дмитрия) оказывает определенное влияние Сергей Радонежский”³⁸. Эпизод, в котором Дмитрий просит благословения на поход против татар, рассматривался лишь как знак формального соответствия изображаемой эпохе. Рассуждая в таком ключе, можно ожидать от Сергея каких-то стандартных, либо лишенных четкости извитий словес, которые обратил он к Дмитрию, благословляя его на битву, но Бородин опять не укладывается в схему. Напутственные слова Сергея лишены какой бы то ни было церковной окраски, присущей, казалось бы, его сану. Они представляют собой выступление политического деятеля, прозорливого политика: “Час встречи надвигается и неизбежен. Ждать нечего. Сильнее не станем, ежели будем ждать, а слабее станем, ибо враг успеет собраться да изготвиться. Враг будет неистов, ибо Орда, вернувшись к себе без победы, падет. Это ее бой решающий, но и для нас он решающий тож. Крови прольется полная земля, но, коль враг одолеет, вся жизнь наша кончена”³⁹. Далее следует интересная мотивировка, служащая ключом к этому эпизоду: “Не останется городов, не останется и монастырей. Где же тогда будут лежать книги наши, вся мудрость, знания, вера? Снова потекут века рабства и русской земле уже никогда не встать. Не бойся ни потерь, ни крови. На тебе вся наша земля лежит, сие есть груз тяжкий и темный; напрыгись, сыне

мой, господине мой, Дмитрий Иванович, мужайся”⁴⁰. В уста Сергия вкладываются слова обывателя, пусть великого в пророческой одухотворенности, но все же... Конечно, с помощью такого подхода сокращается расстояние между Сергием и читателем, тоже обыкновенным человеком. Это заставляет вспомнить упомянутую выше литературную традицию изображения исторических событий XIX века. Бородин в этом эпизоде представляет потенциал, накопленный поколениями, в виде груды пыльных книг, которые должны лежать (категория статики). В эту грудку сложена и мудрость, и знания, и, странно, вера. Между тем, В.Калита отмечал, что “то, что С.Бородин пользовался при создании образа Сергия Радонежского в своем “Дмитрии Донском” его “Житием”, явственно ощущается во многих страницах произведения”⁴¹.

Как же совмещается авторская трактовка образа с теми православными мотивами, которыми пронизан источник? Далее в речи Сергия следует вывод, вполне логично вытекающий из посыла об отделении веры и мудрости от человека: “Русской земле уже никогда не встать”. Бородин выдвигает концепцию, которая коренным образом отличается от решения Д.М.Балашова. Он полагает надежду земли в одном человеке. В то же время здесь возникает ощущение груза власти, переданное Сергием, что получит мощный импульс развития у Балашова. Светский характер речи Сергия подтверждается еще раз, когда он называет князя господином. Неужели образ Сергия исчерпывается изображением умного, проницательного обывателя; игнорируется агиографическая традиция? Но ведь в романе Сергей не раз предстает как провидец, чтец сердца. Именно таким он кажется Кириллу, который вместо убитого им гонца прибыл в монастырь. С образом Кирилла в роман вводится вполне современный социальный конфликт. В.М.Калита отмечал заслугу Бородина в том, что он впервые ввел в роман народного героя и социальный конфликт⁴². Теперь автор получил возможность проверять свои построения через их восприятие этим героем из народа как мерилем истинности для него. Отпадала необходимость наделять исторические персонажи несвойственным им в жизни количеством либо добра, либо зла

с целью показать читателю их сущность. Был сделан первый шаг в устранении заданности в характере героев.

Вместе с тем, нельзя, на наш взгляд согласиться с точкой зрения Т.Богатыревой: “Бородину не столь важно обозначить, что точкой отсчета в его рассуждениях является современность”⁴³. Социальный конфликт заострен в романе таким образом, что классовая сущность героев определяет их позицию в нем. Мерилом правды служит представитель народа, находящийся в оппозиции власти предержащему, князю, ощущающий себя хозяином страны, ее будущего, что вполне соответствует времени создания романа и не является типичным для сознания средневекового человека из народа. Важность, злободневность именно этих установок Кирилла подтверждается тем, что в академическое издание истории русской литературы вошла цитата из произведения и пересказ эпизода, в котором проявляется как раз оппозиционность Кирилла к князю и его решающая роль: “Убив из-за вражды к Дмитрию княжеского гонца к Сергию, несшего известие о готовящемся сражении на реке Воже, Кирилл, прочитав послание, понял значение готовящихся событий (“Не Дмитрию, сие Москве надобно”) и принял на себя миссию гонца”⁴⁴. Образ Сергия теперь утрачивает свою упрощенность и самодостаточность. Он как бы слит воедино в сознании Кирилла с образом Москвы, коренных нужд народа, а не с образом Дмитрия. Деятельное начало в Сергии учитывается Бородиным в его интерпретации источников. В “Сказании” Дмитрий просит Сергия отдать ему в войско иноков Пересвета и Ослябю. В романе Сергей сам их посылает. Православное, духовное начало в Сергии уступает место деятельно-практическому. Если он и отличается от князя русского, то только более глубоким, почти пророческим государственным, полководческим умом, глобальным восприятием совершающихся событий. Дмитрий также, в отличие от “Сказания”, не полагается на волю Божью, не страшится знаков и звуков, когда воевода Бренко слушает землю перед битвой.

Можно сделать вывод, что такое изображение сходных черт в главных героях произведения не является случайностью и не происходит от недостатка художественного мастерства. Это подтверждается наблюдениями над языком героев романа.

Синтаксис языка, в общем, вполне современен, лишь иногда встречаются инверсии, на уровне лексики - вкрапления чуждых слов (свейский, блюсти, юрод, вьюнош, жуковинье), дающих установку именно на необычность речи: не столько древних, сколько устаревших или простонародных (диалектных), что не всегда оправдано. Однако авторская речь очень своеобразна, показывает владение народно - поэтической структурой выражения; ее можно назвать эпической. Бородин использует короткие предложения, обилие однородных членов, часты дополнения перед сказуемым, указательные местоимения перед существительным, постпозитивный член, используются пословицы, поговорки, исторические песни (которые еще не были характерны для описываемой эпохи), былины, старины. Однако, язык Дмитрия отличается от языка Киприана, язык Сергия Радонежского - от языка воеводы Бренка. Можно предположить, что в языке - ключ к характеру героев, их психологии. Речь Дмитрия лаконична, афористична, с частым употреблением поговорок. Типичные примеры такой речи в тексте расположены на странице 11, 37, 288. Язык Сергия отражает характер человека, соединяющего в себе интересы духовные, которые предстают в романе скорее традиционными интересами духовенства, с интересами светскими - политическими и государственными. Интересен тот факт, что речь, характерная для священнослужителя, церковного феодала, чередуется (а не слита в единые синтагмы, и это важно) с речью прозорливого политика, находящегося в курсе всех государственных дел: “Трудись, сыне, - обращается он к постригаемому, - господь милует прилежных, ради монастырского блага усердствующих”⁴⁵. Сергей - священник у Бородина способен думать только об интересах корпорации, не поднимаясь над ними. Духовное руководство детерминировано руководством светским. “К врагу гнев единомышлен, а не разноголос”⁴⁶ - так обращается он к Кириллу, четко и кратко выражая мысль, имея в виду уже весь народ. Диссонансом звучит фраза священнослужителя: “Уповая на господню кротость, смири гордыню свою и не искушай ни исусова милосердия, ни человеческих сердец”⁴⁷. Куда подевалась страсть и сила, звучавшая в словах, приведенных выше! Сергей Радонежский предстает в романе как две разных личности,

образ его постоянно испытывает дефицит единства. Все-таки, в силу значимости своей и сложности, он не вписывается в ткань произведения. Сергей - не политрук при Дмитрие Донском. Отсюда и раздрай в языке.

Сергий Радонежский в произведении “Ликуя и скорбя” велик, монолитен, но упрощен, схематичен. В.Возовиков творит в “романтическом ключе изображения”⁴⁸. Чувства человека в моменты душевных потрясений затмевают деяние, которое предстает как результат мгновенного наития, не показывается упорный каждодневный труд для совершения яркого события, остающегося в истории. Интересной находкой явился “Эпилог о Пересвете” В.Гусева. Оставаясь довольно вольным толкователем истории, автор поднялся над упрощенными схемами героев. Действующие лица повести представляют уже не статикой, но динамикой душевных состояний. В произведении действуют Дмитрий Донской, Сергей Радонежский, Пересвет... Широко используется “диалектика души”. Новое широкое поле для выражения авторского присутствия, авторской позиции открывается благодаря тому, что Гусев показывает своих героев (Сергия Радонежского, Пересвета) через поток сознания Дмитрия Донского, который, в свою очередь, предстает перед нами реальным, живым человеком, не лишенным ничего человеческого. Роль Сергия Радонежского в произведении увеличивается по сравнению с предшествующими произведениями. Образ Сергия пропитан в повести крепкой, светлой, здоровой силой; все, связанное с ним, светло и ясно. Характерен следующий эпизод: Дмитрий краем сознания замечает статную фигуру Пересвета – “Какие монахи у Сергия”⁴⁹. Автор воссоздает обыкновенную, незамысловатую и крепкую народную веру в Сергия, веру светского, прагматичного, неисключительного человека - князя Дмитрия. Вот Дмитрий идет по дороге: “...неплохо б монахов в строй, но нет, Сергей восстанет. Он знает. Он Сергей... авось он что и придумает, и не один я... А хороший... хорошо...”⁵⁰. В этой повести, которую можно назвать психологической, пейзаж является связующим звеном между светским и духовным обликом Сергия или другого героя, Пересвета. Развитый психологизм, умаление заданности, многоплановость героев -

эта принадлежность современного романа, прозы вообще, возникла не на пустом месте.

Уже в наши дни Юрий Лощиц, представитель второй из выделенных групп романистов, опубликовал роман под таким же названием, что и Бородин. В этом романе образ Сергия Радонежского раскрывается с других позиций. Во главу угла ставится, прежде всего, духовная миссия “Сергия, игумена малочисленной Троицкой обители, расположенной в лесу”⁵¹. В отличие от предыдущих романов, в которых возникает образ Сергия Радонежского, в “Дмитрии Донском” Лощица отмечается если не скрупулезное, то более точное следование источникам, не замалчиваются и не утаиваются факты судьбы Сергия, не вошедшие даже в “Житие” его. Подробно описывается миссия игумена в Нижний Новгород, во время которой он закрывает в городе все церкви, чтобы добиться смирения князя Бориса перед Москвой. Много места в романе уделено восприятию Сергия народом, землей русской. Повествование при этом ведется в настоящем времени, что как бы приближает к читателю описываемые ситуации, служит объективно “сгущению” художественного времени, а значит, и увеличению объема образа Сергея Радонежского – одной из центральных фигур романа: “дело не только в том, что Сергей личный друг митрополита. Известность его... не ограничивается каким-то избранным кругом лиц. Она никогда и ни кем не распространялась намеренно. Наоборот, сам Сергей вот уже несколько десятков лет все, казалось бы, делает для того, чтобы жить как можно незаметней, подальше от лестных репутаций. Но молва, не досужая, суетливая, а отцеженная сквозь мелкое ситечко народной тугодумной приглядки... – разбрелась уже о нем в пол-Руси”⁵².

Роман обладает некоей сценичностью, представляет собой серию сцен, каждая из которых предваряется авторским предисловием, ремаркой. Например, дается картина, когда Сергей идет по дороге: “как обычно, пешком, легкою своею стопой, так что в день одолевал без труда верст до полусотни...”⁵³. Ремарка служит Лощицу и подтверждением истинности сцены, и подготавливает читательское восприятие отрывка текста. Автор даже приводит летописные строки, что показывает отношение его к историческим источникам как

мерилу художественной правды произведения; историзм является отправной точкой для произведения: “Олег устыдебося толь свята мужа”⁵⁴ речь идет о посольстве Сергия в Рязань и замирении Олега.

Авторское присутствие, которое Пауткин назвал “обновляющей тенденцией в советском историческом романе наших дней”⁵⁵ проявляется в романе именно через ремарку. В то же время развивается и полифоничность повествования за счет показа одного героя глазами других, в одной ситуации, но с разных точек зрения. Вот как показан Сергей Радонежский через восприятие князя Бориса, ослепленного враждой к Дмитрию, к Москве: “Око диво, появился бродячий монашек, да мало ли сейчас всяких бродяг-оборванцев шатается из княжество в княжество! Не могла, знать, Москва снарядить кого повидней! ...Лапотника, лыком подпоясанного!”⁵⁶. Автор считает себя вправе утверждать то, о чем молчит летопись, он лишь предполагает: “Вполне возможно, Борис и для беседы-то не принял черноризца. Тот, слышно, надеется упросить его, чтоб шел на Москву”⁵⁷. В этом отрывке авторская ремарка практически не отделена от мыслей князя. То, что именно князю принадлежит второе предложение вышеприведенной цитаты, доказывается словом “слышно” (слушал все-таки, неуверенность проскальзывает за маской высокомерного скепсиса – надеется упросить”). Автор проявляет себя как мастер психологизма. Отмечая только что зарождающаяся, потаенная растерянность Бориса прорывается, и опять-таки в авторской ремарке: “В глазах Бориса сверкала ярость, но в груди холодным замораживающим комом – растерянность”⁵⁸. Здесь авторский взгляд направлен уже не от князя, как в предыдущей сцене, а к нему; такой взгляд мог принадлежать ближнику княжескому. Рядом – еще один пример сгущения художественного времени. Встреча Сергия с Борисом предстает уже следствием многолетних трудов целого государства, и этим предрешен ее исход. На протяжении одного абзаца используются два временных пласта. Такой взгляд мог принадлежать уже лишь потомку-историку: “Во встрече на Бережце отчетливо просматривалась... умная, доводящая начатое до конца, мысль Москвы, олицетворяемая сейчас действиями ее посланца”⁵⁹.

Напрашивается вывод о том, что Сергей в романе – всего лишь объективно, закономерно возникшая кукла, орудие Москвы. Но что тогда есть Москва? Дмитрий Донской? Такой вариант подсказывает название романа, которое часто является свернутым текстом. На протяжении повествования образ Сергия, никогда не отождествлялся с чьей-либо волей. Сергей не олицетворяет, а живет и вершит; Сергей – это не только “сейчас”. То, с чем была связана сама жизнь, все жизненные устремления, помыслы князя Дмитрия – решение Сергия о благословении на битву – откладывается ради трапезы: “В простоте, обыденности и одновременно, странности этой просьбы (помедлить, потрапезовать в неподходящее время) был весь Сергей”⁶⁰. Это не гордыня, игумен не старается показать свою значимость, просто он откладывает решение, которое повлечет за собой неисчислимы бедствия для народа русского. Он готовился принять на плечи свой тяжелый груз ответственности, той самой, которая давила Алексея у Балашова. Понимал ли это князь в романе Лощица? Кажется, нет: “Но за трапезой как бы невзначай сказал Дмитрию слова, смысл которых превосходил все, что надеялся и предполагал услышать здесь сегодня московский князь.

- При сей победе тебе еще не носить венца мученического, - тихо сказал игумен, - но многим без числа готовятся венцы с вечной памятью. Попробуй еще почитать Мамаю дарами и честью, может быть, господь, видя твое смирение, низложит его неукротимую ярость и гордость?

- Отче, все это я делал уже, - ответил Дмитрий, но он с еще большей гордостью возносился. - Игумен помолчал, и, нахмурился, проговорил твердо: “Если так, то ждет его конечное погубление”⁶¹.

Разумеется, не идет уже речи о каком бы то ни было подчинении князю или подчинении (светском) князя Сергию, что проявилось при анализе эпизода того же события у Бородина. Становится ясным, что и Москва не ассоциируется в романе с образом одного человека – князя. Сергей же предстает фигурой надвременной, прозорливости которого перерастает в пророческий дар; духовная мощь его поднимается над суетным миром, оставаясь верной христианским ценностям. “Сергий разрешает ему [Дмитрию]

братъ в руку меч и тем самым разрешает его от тяжких уз ответственности за предстоящие жертвы” – считает Т.Г.Богатырева⁶². Писатель вторгается в текст с патетическим отступлением: “И кого слышит сейчас Дмитрий – Сергия ли, голос ли самой земли русской, или слитный глас тысяч и тысяч своих соплеменников, живущих и погибших?”⁶³.

Нарастаніе пафоса сигналізується використанням старославянства. А дійсно, якщо спробувати відповісти на цей питання без пафоса? Дмитрій просить у Сергія Пересвета і Ослабю. Сергій говорить їм: “Час купити вашої настало”⁶⁴. По порівнянню з літописью сцена передана майже дослівно. Раби божії куплені, повністю отречуються від свого “я”, виступають як слитна і нероздільна сила самої російської землі. Але ось другий епізод. Замирення Олега Рязанського, що повинно було розв’язати руки Москві в боротьбі. Сергій тут представляє як звичайний похилий чоловік: “На цей раз Сергій не пішки пішов, а поїхав, і справа було... в роках Сергієвих...”⁶⁵. Для Олега приїзд ігумена став подією найважливішою: “Великі були смущення, растерянність і внутрішній трепет князя: сам перший ігумен Русі к йому, багаторічному, прийшов, краще, снизошел прийти (Усе, і Олег в тому числі, живуть в світі цінностей, не ідентичних, а лише соприкасаються з Сергієвим; влада і сила панують і в світі Олега) і прийшов не з плямами гніву на обличчя, не з перерізаючимся від возмущення голосом, але з тихим словом жалю про біди рязанських і рязанських (не княжеских) заблудженнях”⁶⁶. Нижче наводяться літописні рядки про те, що Олег соромився настільки святого чоловіка. Тільки Сергія соромився, але так і не зрозумів його! Принципова неможливість повного, остаточного розуміння Первоігумена в руслі православної літературної традиції розуміється як наслідок “розниці масштабів” і універсальності особистостей сприймаючого і сприймаємого, коли, навіть будучи піднятим пеною гріховної гордості, поміслити важко про те, щоб порівняти себе з святою Сергієм. Починаючи з творів агіографічного жанру, можна відзначити цей постулат, виявляючийся або відкритим авторським втручанням в мистецтвенний світ твору, або опосередкований перверсіями сюжету і структури тексту.

Творчество Бориса Зайцева являет собой новую ступень осмысления величия Сергия, когда пропасть между святым и обычным грешником – читателем умаляется и исчезает без умаления Сергия. Это достигается благодаря очень тонко ощущаемой автором грани, за которой величие смыкается с простотой, святость умудренного опытом и убеленного сединами подвижника оказывается удивительно близкой наивному и чистому взгляду ребенка, вновь и вновь удивляющемуся и радующемуся прекрасному творению – Жизни. Святой у Бориса Зайцева – часть мира, открыт миру, формирует мир, дает ему бессмертие и стремление к совершенству, и бессмертие же от этого получает. В вечном круговороте событий, бед и радостей, святой упорно и просто, по кирпичику, слагает здание величия Духа, и с каждым эпизодом, с каждым деянием (неважно, большим или малым, ибо это противопоставление относительно) в мире становится чуточку светлее...

¹Бартенев П.И. Памятники древней письменности и искусства. - Т. 69. - Спб., 1887.

²Колесов В.В. Свет сквозь века. / Жизнь и житие Сергия Радонежского. - М., 1991.

³Державина О.А., Колосова Е.В. Сказание Авраамия Палицына. - М., 1995.

⁴Там же. - С. 128-129, 133-134, 142-143, 166-167, 186-187, 197-198, 224-225.

⁵Платонов С.А. Памятники древней письменности и искусства. - Т. 70. - Спб., 1888.

⁶Горский А.В. Историческое описание Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев Посад. - 1890. - Ч. 1-2.

⁷Забелин Е.И. Троицкие походы русских царей. - М., 1847.

⁸Карамзин Н.М. Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре. // Соч., Спб., 1848. - Т. 1.

⁹Смирнов С.И. Преподобный Сергий и Троицкая Лавра его времени. - М., 1898.

¹⁰Орловский Е.Ф. Сергий Радонежский и его время: Исторический очерк // Гродно, 1892.

¹¹Голубинский Е.Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Лавра. - М., 1909. - Изд. 2.

¹²Шевырев С.П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. - М., 1850. - Ч.2. - С. 1-30.

¹³Муравьев А.Н. Путешествие по святым местам русским // Спб., 1863. - Ч. 1-4.

¹⁴Кудрявцев М. История монашества в Северо-восточной Руси со времен преподобного Сергия Радонежского. - М., 1881. - Ч. 1.

¹⁵Голубинский Е.Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Лавра. - М., 1909. - Изд. 2.

¹⁶Голубинский Е.Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Лавра./ Жизнь и Житие Сергия Радонежского.- С. 172.

¹⁷Пытин А.Н. История русской литературы. - М., 1912. - В 4-х т. - Т. 1. - С. 291.

¹⁸Там же. - С. 292.

¹⁹Ключевский В.В. Речь по случаю 500-летия со дня кончины Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой Лавре в 1892 г./Жизнь и Житие Сергия Радонежского.

²⁰Зайцев Б. Преподобный Сергий Радонежский. - М., 1923.

²¹Федотов Г.П. Святые древней Руси (10-17 в.в.) Париж, 1985. - Изд. 3. - С. 128-141.

- ²²Флоренский П. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Полн. собр. соч. - Т. 1. - Париж, 1985. - С. 63-81.
- ²³Трубецкой Е. Умозрение в красках. - М., 1990. - С. 165.
- ²⁴Булгаков С.Н. Православие. - Париж, 1983. - Изд. 3. - С. 23.
- ²⁵Соловьев В.С. Что такое Россия? // Собр. соч. - Спб., 1903. - Т. 5.
- ²⁶Троцкий Н.И. Триединство Божества: Историко-археологическое исследование по памятникам всеобщей истории искусства. - Тула, 1909. - Изд. 2.
- ²⁷Тихонравов Н.С. Древние Жития Сергия Радонежского. - М., 1892.
- ²⁸Шамбинаго С.К. Повести о Мамаевом побоище. - Спб., 1906. - С. 31.
- ²⁹Евстигнеев М. Мамай или жертва порока: Историческая повесть времен Дмитрия Донского: В 3-х ч. - М., 1871. - Изд-во Манухина.
- ³⁰Калита В.М. Советский исторический роман 70-80-х годов о Куликовской битве / Традиции и новаторство. - С. 71.
- ³¹Там же. - С. 71.
- ³²Луцик Л.Г. Литературное наследие древней Руси и советская историческая проза: Дис. ... канд. филол. наук / Киев, 1953. - С. 190.
- ³³Орлов А. С. Курс лекций по древнерусской литературе. / АН СССР. - М. - Л. - 1939. - С. 160.
- ³⁴Луцик Л.Г. Указ. соч. - С. 152.
- ³⁵Леонов Л. В наши годы // Советский писатель. - 1949. - С. 243.
- ³⁶Бородин С. Дмитрий Донской // Воениздат. - М., 1949.
- ³⁷Луцик Л.Г. Указ.соч. - С. 252.
- ³⁸Там же.
- ³⁹Бородин С. Указ.соч. - С. 167.
- ⁴⁰Там же. - С. 168.
- ⁴¹Калита В.М. Указ.соч. - С. 75.
- ⁴²Калита В.М. Там же.
- ⁴³Богатырева Т.Г. Проблема связи с современностью и идейно-художественное обогащение советского исторического романа / 70-80-е гг. - С. 116.
- ⁴⁴История русской литературы./ АН СССР. - 1945.- В 4 т. - Т. 2. - Ч. 1. - С. 202.
- ⁴⁵Бородин С. Указ.соч. - С. 63.
- ⁴⁶Там же. - С. 65.
- ⁴⁷Там же. - С. 49.
- ⁴⁸Калита В.М. Указ.соч. - С. 73
- ⁴⁹Гусев В. Эпилог о Пересвете. - М.. - С. 255.
- ⁵⁰Там же. - С. 258.
- ⁵¹Лоциц Ю. Дмитрий Донской // Молодая гвардия. - М., 1980. - ЖЗЛ. - С. 77.
- ⁵²Там же. - С. 78.
- ⁵³Там же.
- ⁵⁴Там же. - С. 341.
- ⁵⁵Пауткин А.И. Современная проза социалистического реализма. - С. 114-131.
- ⁵⁶Лоциц Ю. Указ.соч. - С. 78.
- ⁵⁷Там же.
- ⁵⁸Там же. - С. 79.
- ⁵⁹Там же.
- ⁶⁰Там же. - С. 245.
- ⁶¹Там же. - С. 246.
- ⁶²Богатырева Т.Г. Указ.соч.- С.120.
- ⁶³Лоциц Ю. Указ.соч. - С. 246.
- ⁶⁴Там же.
- ⁶⁵Там же. - С. 340.
- ⁶⁶Там же. - С. 341.